

Уланова в России больше, чем балет

Известия. — 1998. — 24 марта. — С. 6.

После Анны Павловой не было в мире балета имени более блестящего и почитаемого на Земле, чем Галина Уланова. Сама мысль, что где-то рядом живет Уланова, вносит успокоение. Нельзя жить без идеалов. Уланова была и идеалом, и идеалом.

Она ушла со сцены, не позволив никому увидеть, как слабеют силы и иссякает энергия, что случается с выдающимися танцовщицами, у которых не хватает мужества вовремя уйти. Последний раз Уланова танцевала в Большом театре в декабре 1960 года в «Шопениане». Потом она перешла в репетиционный класс и стала репетитором.

У нее занимались Тимофеева и Сабирова, Максимова и Семеняка, Адырахеева и Михальченко, Семизорова и Грачева. Одни ученицы были преданы и верны, с другими она познала разрывы и охлаждения. Последнее время она работала с талантливым Колей Цискаридзе, репетируя с ним «Нарцисса», поставленного Касьяном Голеизовским. Ее частная жизнь никогда не была достоянием гласности. Она была и осталась легендой — великой Улановой.

Случаются исключительные натуры, которых природа наделила гениальностью и силой духа, чтобы сохранить себя в непреклонности и уйти, оставив после себя прекрасную легенду.

Ей было сорок шесть лет, когда Большой балет впервые после страшных сталинских лет приехал в 1956 году на гастроли на Запад, в Лондон, и ее сразу называли «первой балериной мира», «божественной Улановой». Она танцевала Джульетту, Жизель. Знаменитая английская балерина Марго Фонтейн говорила после «Ромео и Джульетты»: «Это магия. Теперь мы знаем, чего нам не хватает. Я не могу даже пытаться говорить о танцах Улановой, это настолько великолепно, что я не нахожу слов». Овация после «Ромео и Джульетты» длилась бесконечно, казалось, остановилось время. После первого акта стояла гробовая тишина, потом зал встал. После «Жизели»

Уланову сопровождала полиция, подойти к машине она не могла, зрители не давали завести мотор, ее привезли в отель на холстом ходу. То был триумф. Английская пресса писала о том, что никто из всех живущих танцовщиц на планете Земля не может сравниться с ее гениальным даром. Имя Улановой стало символом балета. Танцевать ей оставалось четыре года.

Да, она была великой балериной, но она была и великой женщиной, прожившей долгую жизнь с редким, уже почти не встречающимся достоинством. Великий русский актер Николай Хмелев писал, что в ее танце не было ни одного момента, движения или позы, которые не были бы оправданы. Завадский и Берсенев, Тиме и Рындин, Радлов и Алексей Толстой были ее окружением. Ее талант увлекали Тарасова и Степанова, Эйзенштейн и Пастернак, Райкин и Андроников, знаменитая английская балерина Алисия Маркова и «звезда» парижского балета Иветт Шовире, как и тысячи простых людей, любящих балет.

Юрий Григорович любит вспоминать, как в старом Ленинграде после войны был дан спектакль в память Мариуса Петипа, и в один вечер танцевали три самые прославленные танцовщицы тех лет. Уланова потрясла его на всю жизнь. «В ней было что-то неземное», — говорит он.

В день смерти Галины Улановой художественный руководитель Большого театра Владимир Васильев на встрече с журналистами в Овальном зале театра заявил о том, что Уланова назначила его одним из своих душеприказчиков. По словам Васильева, несмотря на то, что все родственники Улановой захоронены у нее на родине, в Петербурге, балерина будет похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище 25 марта. Арт-директор ГАБТа заверил представителей средств массовой информации в том, что театр со временем обязательно посвятит Улановой отдельный музейный зал и учредит благотворительный фонд в честь великой балерины.

До последних дней Галина Уланова оставалась одинокой. И хотя друзья созванивались с ней по нескольку раз на день, за 12 дней до смерти, когда случился второй инсульт, рядом никого не ока-

Ее рисовали Сарьян, Борис Шаляпин, Верейский, лепила Мухина, бронзовый бюст Улановой работы Аникушина был установлен в 1984 году в Ленинграде в Парке Победы. О ней писали и пишут книги. Имя Галины Улановой всегда произносят с трепетом, она действительно, как никто, умела владеть душами людей.

Уланова была особенным человеком. Была твердой без резкости и свирепой без категоричности. Тихая, скромная, элегантная женщина, без восторженности относящаяся к себе и другим, воспитанная в эпоху, когда ценили дар и душевную красоту. Внутренняя независимость потрясала в ее пушкинской Марии в «Бахчисарайском фонтане», напоминала потупленным взором Джульетты итальянских мадонн, легким, едва заметным поворотом головы создавала образ хрупкой, похожей на гравюру китайки Тао Хоа в «Красном маке» — это был великий талант. Ее танец говорил языком драматической актрисы и был загадочен, как закрытая душа.

А танцевала она мало. Придя в Большой театр в 1944 году, Уланова повторила на его сцене в новых постановках партии, что танцевала прежде в Мариинском театре. Новых ролей на сцене Большого было четыре: Золушка, Параша в «Медном всаднике», Катерина в «Каменном цветке» и

зато. Дверь квартиры была заперта изнутри, и ее пришлось взламывать. Уланова умерла в Центральной клинической больнице.

По словам Владимира Васильева, вопрос о ее квартире остается открытым. Арт-директор Большого театра выразил опасение в том, что найдутся силы, желающие прибрать к рукам очередную освободившуюся жилплощадь. Васильев отказался от идеи создать там мемориальный музей: «Такие музеи хороши лишь в первые годы, когда в них еще живя память об их бывших обитателях. Спустя время мемориальные музеи превращаются в пустыни...».

Владимир Васильев выразил странную мысль: квартиру, принадлежавшую Галине Улановой, сделать представительской — чтобы там могли останавливаться особо дорогие гости Большого театра.

Тао Хоа в «Красном маке». Вот и все. После 1949 года премьер не было пять лет, потом «Каменный цветок», не самый удачный балет Лавровского, и концертные номера. Классическое умение танцевать, отрешенность, по-видимому, были связаны с ее природной замкнутостью. Она создала свой собственный стиль, непохожий и неповторимый.

В последние годы своей жизни она стала более разговорчивой, любила вспоминать свой родной город — Санкт-Петербург, атмосферу в Мариинском театре тех лет, детство, маму, Марию Федоровну Романову, друзей. Никого уже нет в живых. В сущности, на склоне дней она была очень одионоким человеком, ей было 88 лет, и перед последней больницей она была совсем одна в большой пустой квартире. Вряд ли сохранился архив, она не любила вмешательства в личную жизнь.

Теперь ее больше нет. Жизнь Улановой включила в себя великую судьбу и восторженное отношение тех, кому посчастливилось увидеть ее в танце или соприкоснуться с ней. Ее имя останется навсегда как символ красоты, наперекор всему существующему в мире. Ее искусство для всех поколений будет классическим художественным идеалом, все так, только с ее смертью что-то кончилось, и от этого всем стало горько на душе.

Виталий ВУЛЬФ.

Фото Виктора АХЛОМОВА.